

Все ребяташки получили от Хэ Яна подарки, наелись сладостей до отвала и теперь, с конфетными фантиками в руках, носились вокруг директрисы, требуя, чтобы Новый год был каждый день. Смех разносился по всему дому, и даже старая директорская кошка, дремавшая на печи, лениво приоткрыла один глаз.

Директриса, сияя от радости, только руками разводила. После ужина они ещё немного поиграли все вместе, а потом она отправила Жуйси и Хайяня купать младших.

— Завтра схожу с тобой, проведем твою сестру, — сказала она Хэ Яну.

— Хорошо.

Сестру Хэ Яна звали Хэ Тин — в этом году ей должно было исполниться двадцать пять, но последние несколько лет она провела в больнице, так и не приходя в себя.

Когда Хэ Ян и директриса вошли в палату с подарками, сиделка как раз закончила обтирать её тело. День выдался солнечным, и Хэ Ян распахнул окно — тёплые лучи хлынули внутрь, заливая комнату мягким золотистым светом.

Когда-то длинные, чёрные как смоль волосы сестры были острижены, но кожа оставалась светлой, а большие, влажные глаза — красивыми, точь-в-точь как у матери; в носу у неё стояла трубка, и на появление Хэ Яна она не отреагировала никак.

Директриса взяла фрукты и вышла помыть их, оставив брата с сестрой наедине.

Хэ Ян достал из пакета красивое красное платье, развернул его, сел на край кровати.

— Сестрёнка, — голос его дрогнул, но он справился, улыбнулся, — смотри, какое платье красивое! Я специально для тебя купил.

Он замолчал, словно давая ей время ответить. Тишина. Он провёл пальцем по её неподвижной руке — тёплой, живой, но такой чужой сейчас, не отзывающейся на его прикосновение.

— Ещё один год прошёл... Пожалуйста, просыпайся скорее, хорошо? Встретим Новый год вместе, посидим за праздничным столом, запустим фейерверки, получим красные конверты...

Он помолчал, глядя на её неподвижное лицо, и заговорил снова — тише, почти шёпотом:

— Сестрёнка, у меня для тебя две новости — хорошая и плохая. С какой начать?

Он ждал ответа, хотя знал, что не дожждётся.

— Плохая: я развёлся. Ты будешь меня ругать? — кривая улыбка тронула его губы. — А хорошая: я уже на шестом месяце. Скоро станешь тётей. Представляешь?

Хэ Ян говорил сам с собой. Сестра лежала неподвижно, глаза её были широко открыты, но она не подавала никаких признаков жизни.

Видеть самого родного человека вот так — без движения, без ответа, без надежды — было невыносимо. Иногда по ночам он просыпался от собственного крика: ему снилось, что она открыла глаза, позвала его по имени, а он не успел, не добежал, не услышал...

Директриса однажды спросила его: не жалеет ли он, что в одиночку тянет эту ношу, заботится о сестре, которая, возможно, никогда не очнётся?

Жалеть? О чём тут жалеть — это его единственная сестра. Та, которая учила его читать, гоняла во дворе, защищала от обидчиков, пока могла. Он до сих пор помнил, как она, заметив, что он грустный, молча совала ему в карман леденец — единственный, что у неё был. Сколько бы сил это ни стоило, как бы ни было тяжело — он никогда не сдастся. Просто не имеет права.

Жаль только, что времени навещать её почти нет: сестра лежала в лучшей больнице соседнего города — только там было подходящее оборудование и условия, а раньше он не мог ухаживать за ней сам из-за работы, приходилось нанимать сиделку. Так же было и сейчас.

К счастью, те пять миллионов, что когда-то дал ему дед Лу Тинфэна, покрывали её пребывание в больнице на двадцать пять лет вперёд. Это хотя бы снимало самую острую проблему.

Директриса вернулась с вымытыми фруктами, очистила яблоко и протянула Хэ Яну, утешая его:

— Яньян, не грусти. Твоя сестра — сильная девушка. Я верю, что однажды она очнётся.

Приют стоял совсем рядом с домом Хэ Яна — пять минут не спеша, через пустырь и вдоль забора. В детстве они с сестрой бегали туда чуть ли не каждый день. Хэ Тин была умненькой, живой и невероятно общительной: первой здоровалась с директрисой, помогала малышам завязывать шнурки, делилась конфетами, которые им самим редко перепали. В городке тогда говорили: эта девочка далеко пойдёт, вырастет — большим человеком станет.

Кто ж знал, что случится такое?

Директриса каждый год ездила в храм, ставила свечку и молилась за неё — надеялась, что однажды она всё-таки проснётся.

До Нового года оставалось два дня, когда Хэ Ян совершенно неожиданно, врасплох, столкнулся с тем, кого не видел больше двух месяцев.

Живот немного побаливал, да и подошло время планового осмотра. Он не хотел беспокоить Ли Гуанбиня — перед праздниками у того и без того хватало хлопот. Но Ли Гуанбинь, заехав в приют, чтобы принести жареного мяса, застал Хэ Яна не в лучшем состоянии и наотрез отказался слушать возражения: усадил в машину и повёз в больницу.

Ли Гуанбинь сам помог ему записаться в женскую консультацию. Пока Хэ Ян ждал своей очереди в коридоре, Ли Гуанбинь сбегал и принёс ему стакан горячей воды.

Хэ Ян смущался, что доставляет столько хлопот, то и дело благодарил и извинялся.

Ли Гуанбинь, притворно рассердившись, цыкнул на него:

— Сколько лет знакомы, а ты всё «спасибо» да «извини»! Мы же старые друзья. К тому же ты мне кучу денег заработал, почему бы и начальнику о сотруднике не позаботиться? — и добавил уже серьёзнее: — Будешь дальше так церемониться — раззнакомимся к чёртовой матери.

Хэ Ян только беспомощно улыбнулся — ну как на такого ребёнка сердиться? — и покачал головой, принимая эту заботу как данность.

В шесть месяцев беременным полагается целый список обследований: анализы мочи, скрининг на диабет, прослушивание сердцебиения плода... Когда все процедуры наконец закончились, было уже далеко за полдень, около четырёх часов.

Выйдя из больницы, Ли Гуанбинь велел Хэ Яну подождать на месте, пока он сходит за машиной.

Самое холодное время южной зимы уже миновало. Хэ Ян был сегодня в белом свитере и легкой светло-голубой куртке, под которой отчётливо угадывался округлившийся живот.

Он стоял, изучая результаты обследования, когда внезапный порыв ветра вырвал бумаги у него из рук и разметал их по земле. Пришлось медленно, с трудом нагибаться и собирать. Прохожие помогли — подобрали несколько листов и протянули ему.

Хэ Ян прождал больше десяти минут, а Ли Гуанбинь всё не ехал. Он поднял голову, огляделся — и вдруг замер.

Ему показалось? Он протёр глаза, взгляделся ещё раз — нет, не показалось. Это был Лу Тинфэн. Рядом с ним, под руку, шла женщина — только не Чжао Либин, кто-то другой.

Загорелся зелёный. Женщина, сияя застенчивой улыбкой, что-то говорила Лу Тинфэну, тот отвечал ей, время от времени опуская взгляд и улыбаясь с такой нежностью, какой Хэ Ян никогда не видел. Ни разу за два года брака. Ни разу.

Он помнил другой взгляд — пустой, равнодушный, скользящий сквозь него, как сквозь пустое место. А для этой женщины у него находилась такая нежность...

В груди что-то оборвалось, рухнуло вниз, в ледяную пустоту. Руки вдруг стали чужими, холодными, и он машинально прижал их к животу — единственному живому, тёплому, что у него осталось.

Такая трогательная, почти киношная картина — то, о чём он сам когда-то мечтал, глядя на других.

Теперь смеялись новые люди, а старые молча плакали, стоя в стороне.

Хэ Ян смотрел им вслед, пока они не скрылись в дверях больницы, и только когда фигуры растаяли в проёме, позволил себе выдохнуть. Воздух входил в лёгкие со свистом, раздирая горло.

— Не смей, — шепнул он себе одними губами. — Не смей здесь. Не сейчас.

Но слёзы уже текли по щекам, и он даже не пытался их вытереть.

<http://bllate.org/book/16098/1572345>